

Комбат

Category: Goşgular, Kitapcy

написано kitapcy | 25 января, 2025

Комбат КОМБАТ

Юлия Владимировна Друнина (1924–1991). Поэтесса появилась на свет в 1924 году в интеллигентной семье. С ранних детских лет ее манило литературное творчество. Будучи школьницей, Юлия печаталась в газетах. Наиболее известное произведение ее детских лет – «Мы вместе за партией сидели».

Едва окончив школу, Друнина поступила добровольцем на фронт. В 1941-ом участвовала в строительстве оборонительного комплекса близ Можайска. Тогда рабочая группа оказалась в окружении, строителям пришлось выбираться окольными путями через вражеские тылы. Это жуткое происшествие было использовано как идейная основа для создания самого известного произведения Друниной «Комбат».

В 1942-ом Юлия оправилась в Хабаровск, где училась в Школе младших специалистов авиации. В 1943 году Друнину послали в должности санинструктора в санитарное управление на 2-ом Белорусском фронте. Юлия служила медсестрой в артиллерийском полку, получила тяжелое ранение, из-за которого стала инвалидом. Но, несмотря на это, продолжила служить в Пскове, затем в Прибалтике. Получила орден «Красной Звезды» и медаль «За отвагу». Ее лирические произведения начали печатать в военных газетах в самом конце войны.

В послевоенные годы поэтесса поступила в Литературный институт. В 1947-ом стала членом Союза писателей. Наиболее известны ее стихотворения «Мы обетам верны», «Не бывает любви несчастливой», «В солдатской шинели».

• **Комбат**

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули –
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперёд.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шёл на пулемёт.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

1943.

* * *

Я столько раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

1943 г.

• **Два вечера**

Мы стояли у Москвы-реки,
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел –
Так порою на чужих глядят.

Посмотрел и улыбнулся мне:
– Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Понимаешь, просто не могу
Я тебя представить в сапогах!..

Я же вечер вспомнила другой:
Минометы били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
– Вот, лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках!..

1952 г.

• **Ржавчина**

Я любила твой смех, твой голос.
Я за душу твою боролась.
А душа-то была чужою,
А душа-то была со ржою.
Но твердила любовь: «Так что же?
Эту ржавчину уничтожу».
Были бури. И были штили.
Ах, какие пожары были!
Только вот ведь какое дело –
В том огне я одна горела.
Ржа навеки осталась ржою,
А чужая душа – чужою..

1959 г.

• **Болдинская осень**

Вздыхает ветер. Штрихует степи

Осенний дождик – он льет три дня...
Седой, нахохленный, мудрый стрепет
Глядит на всадника и коня.
А мокрый всадник, коня пришпоря,
Летит наметом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня – в конюшню, а сам – к бумаге.
Письмо невесте, письмо в Москву:
«Вы зря разгневались, милый ангел, –
Я здесь как узник в тюрьме живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).
А под окном, словно верный витязь,
Стоит на страже крепыш дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог – был у ваших ног!
Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина – тюрьма, тюрьма...»
Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...
О злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была –
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..
Густеют сумерки, как чернила,
Сгребают листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи,
Где он на мокром коне скакал.
И снова дождик, и снова стрепет –
Седой, все помнящий аксакал.

1961 г.

• Парад в сорок первом

Наверное, товарищи, не зря,
Любуясь шагом армии чеканным,
Всегда припоминают ветераны
Другой – суровый – праздник Октября.
Была Москва пургой заметена,
У Мавзолея ели коченели,
И шла по Красной площади Война –
Усталая, в простреленной шинели.
То батальоны шли с передовой,
Шли на парад окопные солдаты.
В тревожных небесах аэростаты
Качали удлинённой головой.
Терзали тело Подмосковья рвы,
Убитых хоронил снежок пушистый,
Сжимали горло фронтовой Москвы
Траншеи наступающих фашистов.
А батальоны шли с передовой,
Шли на парад окопные солдаты!
Недаром в небесах аэростаты
Качали удивленно головой!
Кто может победить такой народ?..

Не забывайте сорок первый год!

1963 г.

• Ты вернёшься

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!

И лицо – родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головой,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,
Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней –
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

И запахнет фронтом – снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Только мы – однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, –
Песней
возвратишься ты с войны!

1969 г.

* * *

Всё грущу о шинели,
Вижу дымные сны, –
Нет, меня не сумели
Возвратить из Войны.

Дни летят, словно пули,
Как снаряды – года...
До сих пор не вернули,
Не вернут никогда.

И куда же мне деться?
Друг убит на войне.
А замолкшее сердце
Стало биться во мне.

1969 г.

* * *

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
– Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать – это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрагнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко –
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
– Я еще, ребята, не жила...

1974 г.

• **Запас прочности**

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

• **Бинты**

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем – так учили нас.
Одним движеньем – только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться – беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе! Goşgular